

Ильенко Иван Макарович (1919 г. рождения)

Капитан, начальник погранзаставы. Окончил Ленинградское пограничное военно-политическое училище им. Ворошилова. Участвовал в боях под г. Тулой, в обороне Кавказа, в освобождении Латвии. Награжден медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа» и др.

ст. преп. каф. истории КПСС

Из воспоминаний 1986 г.:

«Призвали меня в ряды Советской армии в ноябре 1939 года в войска НКВД в 180 полк 10 дивизии. До службы в армии я был студентом Глуховского сельскохозяйственного института, Сумской области. В войну мне было 22 года, я окончил школу сержантского состава, занимал должность помощника командира взвода.

Сразу с началом войны наш 180 полк НКВД развернули в бригаду и наша рота попала в 156 полк НКВД этой же бригады, где меня назначили временно исполняющим должность командира взвода. К этому времени я был кандидатом партии. В августе 1941 года меня приняли членом ВКП(б). конечно первые месяцы войны, это страшные, даже кошмарные. Влияла внезапность нападения, да это так, но что повлияло на то сто мы, наш полк, например, был слабо подготовлен и слабо вооружен, особенно для борьбы с танками и самолетами...

Вспоминаю один из боевых дней нашего первого батальона, в который входила наша рота и тот взвод в котором я был командиром, а моим помощником сержант Волков Василий Иванович.

Вооружением солдат были винтовки, гранаты и бутылки с зажигательной смесью, т.е. смесь керосина с бензином. На этих бутылках было две резинки, а в карманах у нас 2 длинные спички и терки, для их зажигания при броске на движущейся танк. Это не та самовоспламеняющаяся жидкость «КС», которую я получал после излечения в госпитале в 1942 году! Эта бутылка разобьется и жидкость горит, самовозгорается.

20 октября 1941 года нам пришлось вести жестокий бой с рвущимся танковыми частями на дальних подступах к Москве фашистского генерала Гудериана, на подступах к г. Тула. В нашем батальоне не было ни пушек, ни минометов. Был только патриотизм, желание остановить врага и не совсем умелые действия нашего командира батальона. В этот день, после мелких стычек с фашистами, где мы остановили их на гречишном поле. МА сделали окопы полного профиля (это значит выкопали глубокие окопы, связав их ходами сообщения). А утром приказ контратаковать немецкие части, даже не разведав как следует сколько их и какое есть у их оружие. В это утро они начали нас обстреливать с пушек, минометов, появились и били 4 танка. Мы противостояли им со стрелковым оружием, связками гранат и бутылками с горючей смесью, о которой я писал впереди. Танк один мы сожгли, а остальные повернули назад. Отбив первую атаку фашистов мы получили приказ контратаковать. Атака началась дружно, но огонь со стороны фашистов был очень плотным. Они залегли за кирпичным забором церкви, с колокольни которой они просматривали всю местность и обстреливали нас с пулеметов. Били нас и снайперы, минометы, пушки. Нам удалось подойти почти до изгороди церкви, но потом отойти. Здесь я был ранен в обе ноги, левая была перебита в нижней трети голени пулей, а правая штыком или ножом... и здесь меня вытащила с поля боя наша медсестра, по-современному это санитарка, толи Воровикова, толи Кравцова Саша. Я им обязан своей жизнью. Но когда меня притянули на плащ палатке в так называемый санбат. Я попросил нашего помощника командира роты, фамилия его уже стерлось в памяти, чтобы он положил меня на повозку, где уже лежал такой же раненый как я, и в которую была запряжена лошадь. Из взвода осталось 5 или 6 человек... санбат был развернут на площадке кирпичного завода, где лежали штабелями обожженный и сырец кирпич. Здесь были вместе тяжело и легко раненые. Врача и фельдшеров видно не было. На железнодорожном полотне стоял поезд с прицепленными к нему платформами, на которых находилось немного раненых. Мы на лошади стали продвигаться по редколесью на запад. Иногда из-за реки, она была маленькая но топкая, раньше мы пытались ее перейти, нас обстреляли. Догнали мы своих, оставшихся в живых солдат батальона, уже без командира батальона, он погиб в том бою, на второй или третий день. Большинство раненых осталось при отступлении... здесь нам впервые оказали первую помощь и поездом направили в г. Тула, где мне наложили гипс, сделали перевязки, продержали дней 5, чтобы снизить температуру, и после направили на лечение, через г. Рязань в г. Томск, где я лечился до января 1942 года в 405 Киевском эвакогоспитале. После излечения приходилось воевать на Кавказе, в Латвии, и служить до февраля 1947 года.

В феврале 1986 года меня нашел мой помощник командира взвода Волков В.И., который тогда воевал вместе со мной, он оказался жив (я его считал погибшим) – служил он после войны в Советских войсках, а теперь майор в отставке».

Вернигора С. А. по материалам фондохранилища музея ДонНАСА